

Премия имени доктора Фридриха Йозефа Гааса



Автор: Ольга Силантьева
Фото K.D. Busch

Для справки:

Престижная премия имени доктора Фридриха Йозефа Гааса была учреждена в 1994 году Германо-российским форумом и присуждается ежегодно представителю (с этого года двум представителям) общественных или политических кругов, который внес наиболее весомый вклад в углубление взаимопонимания между народами двух стран. В числе прежних лауреатов премии космонавт Зигмунд Йен, мэр Москвы Юрий Лужков, писатель Владимир Войнович. В прошлом году премии был удостоен Михаил Горбачев. В этом году ее впервые получают два человека. Премия названа в честь жившего и работавшего в XIX веке в Москве немецкого врача, получившего за свою бескорыстную помощь бедным и благотворительную деятельность в пользу, прежде

всего, заключенных, прозвище «святой доктор Гаас».

27 марта в Берлине на ежегодной встрече членов Германо-российского форума состоится торжественное вручение престижной премии имени Фридриха Йозефа Гааса. В этом году одним из двух ее лауреатов станет Анне Хоффинга, председатель правления совместной российско-германской благотворительной деятельности на службе людям Russlandhilfe e.V. Накануне торжественной церемонии редактор MDZ Ольга Силантьева задала лауреату несколько вопросов о ее работе на благотворительной ниве в России.

Что Вы почувствовали в первый момент, узнав о присуждении Вам премии им. Гааса?

- Мне сообщил об этом господин фон Штудниц на праздновании Дня объединения Германии 3 октября в посольстве. В прошлом году этой премии был удостоен Михаил Горбачев, поэтому я засомневалась, достойна ли я ее: между нами такая огромная разница. Мы, конечно, тоже делаем большую работу на благо людей. Но это не сравнимо с тем, что Горбачев сделал в масштабах стран.

Но премия имени Фридриха Йозефа Гааса подходит Вам как раз лучше всего.

Да, конечно, мы ведь тоже работаем с заключенными, а доктор Гаас именно им посвятил всю свою жизнь и состояние.

Вы тоже вкладываете свои собственные средства?

Нет, но когда работаешь в такой сфере, то зарабатываешь не так много, как, например, в коммерческой фирме.

В Вашей работе Вам приходится заботиться о деньгах?

Конечно, нам приходится заниматься всем. Контакты с дарителями ведет обычно наш исполнительный директор г-н Хоф в Германии. Я тоже раньше этим занималась, когда только начинала работать в Russlandhilfe. Все время моталась из Германии в Россию и обратно, рассылала письма жертвователям, общалась с ними. Этим нужно заниматься, если хочешь иметь стабильную организацию. Спустя семь лет эту задачу взял на себя г-н Хоф в Германии, тогда как я большую часть времени провожу в России.

И теперь ваша организация – одна из крупнейших.

Да, по крайней мере, среди частных немецких благотворительных организаций, работающих в России. Есть, конечно, и более крупные, как например, Caritas или Красный Крест, но их чаще всего поддерживает церковь или государство. Мы рассчитываем только на благотворительные пожертвования от граждан.

Какие перемены Вы отметили за эти годы в желании немцев помогать малообеспеченным и нуждающимся русским?

Я бы не сказала, что сейчас помогают меньше, чем в начале 90-х. У нас есть очень верные жертвователи. Но были, конечно, и трудные времена, когда, например, в Германии наступил экономический кризис и многие из наших постоянных жертвователей потеряли работу. Тогда объем пожертвований сократился примерно на треть. Сейчас ситуация снова выравнивается.

Как Вы оцениваете ситуацию в России? Насколько активно жертвуют россияне?

У нас было всего несколько пожертвований от россиян, и то они были каким-то образом связаны с Германией, например, с работой в немецких фирмах. Мы предпринимали попытки привлечь русских Доноров но всегда сталкивались с вопросом: «Что я получу, если я помогу Вам?». То есть, как я смогу улучшить, например, свой имидж, помогая больному ребенку? И в этом главное отличие от германских жертвователей, которые по большей части являются не богачами, а совершенно обычными людьми, пенсионерами. Немцы жертвуют нам, потому что человек нуждается в помощи, а не, чтобы самому от этого что то иметь. Некоторые дают только по десять евро в год из своей пенсии, но если таких людей много, то это для нас уже большая поддержка. В России культура пожертвований еще не развита.

Связано ли это с тем, что у нас не отрегулирована система благотворительности?

Это связано со многими факторами. Необходимо отрегулировать всю систему, как можно вносить пожертвования, как должны работать благотворительные организации. Кроме того, должны быть разработаны особые налоговые условия для благотворителей. Государству это также выгодно. Причем даже если пожертвование вносится для помощи людям в другой стране, это помогает развитию дружественных отношений между государствами, ликвидации последствий войны. Сейчас очень многие люди в Германии, пережившие войну, являются нашими дарителями. После войны они получали помощь из Америки, а сейчас им хочется самим помочь России. Об этом они говорят совершенно открыто.

Как Вы выбираете проекты?

Они чаще всего сами нас находят. Мы консультируем, сопровождаем, оказываем профессиональную поддержку, обеспечиваем обмен опытом. Многие узнают о нас по сарафанному радио. Так, например, во время кризиса 1998 года мы проводили акцию по обеспечению продовольствием заключенных. В ходе акции мне рассказали воспитательной колонии для девушек 14-21 лет в Рязани. Ее начальник начал искать пути дополнительного обеспечения продовольствием – он начал заниматься выращиванием овощей на территории колонии. Тогда мы спросили его, чем мы можем еще ему помочь. Он сказал, что есть недостаток белковой пищи. Мы купили ему 20 коров, через пару лет их количество удвоилось, появилось свое скотоводческое хозяйство, где могли работать заключенные девушки. Что было для них своеобразной терапией. Я хочу подчеркнуть, что мы стараемся отталкиваться от идей самих русских. Так, например, этот директор колонии как-то за чашкой чая рассказал мне о своей мечте создать реабилитационный центр для сирот, которые совершенно не подготовлены к жизни и часто попадают в криминальную среду. Мы поддержали этот проект, позже его смогло поддержать и государство. В старой казарме мы организовали квартиру на восемь человек. Там поселились сироты, которые под наблюдением взрослых учились самостоятельной жизни, работали, проходили курс школьной программы.

У вас много сотрудников?

В германском бюро Russlandhilfe e.V. работает 2 человека, в российском центре социального развития и самопомощи «Перспектива», который является нашим партнером, – 7 сотрудников. Здесь, конечно, нужно больше человек, так как объем бюрократической работы очень большой.

Почему вы начали работать в России?

Я училась в России еще во времена Брежнева. По специальности я учитель русского и немецкого языка в гимназии. После возвращения в Германию я поддерживала отношения со своими русскими друзьями. В 1990 году они попросили меня помочь с обеспечением детей продуктами питания, так как боялись голодной зимой. Мы призвали оказать благотворительную помощь и собрали столько денег, что смогли привезти в Россию 25 тонн продовольствия, а также огромный контейнер с одеждой. Я сама сопровождала груз, и побывала тогда на Урале, в Одессе, Санкт-Петербурге, Москве и многих других городах.

Что означает эта премия для Вас?

Благотворительная деятельность в Германии пользуется всеобщим уважением. Ценится то, что ты делаешь. В России с самого начала и до сегодняшнего дня я сталкиваюсь с косыми взглядами в мою сторону. Это лишает сил, необходимых для работы. Такая высокая премия и признание дают новый импульс для работы. Тогда думаешь: может то, что ты делаешь, все-таки нужно людям.